

STARCRRAFT®

HEART OF THE SWARM

Импульс

Дэнни МакАлис

BILZARD
ENTERTAINMENT

Все взрывы вдруг разом стихли.

На долгий ужасный миг повсюду воцарилась тишина. Затем вверх стали лениво подниматься клубы белого и серого дыма, застилавшего поле боя. Словно по мановению какого-то жестокого фокусника, за дымом взору постепенно открывалось то, что осталось на нем после сражения.

Протоссы атаковали жестоко и методично. Повсюду валялись в разной степени покоренные и изломанные боевые скафандры, в которых покоились останки морпехов. Некоторых морпехов сожгли расщепители, и на их скафандрах виднелись дыры от беспощадного огня сталкеров. Другие были умерщвлены с большей точностью — зилоты нарезали их на куски псионическими клинками. Все эти бойцы уже не дышали.

Или почти все.

Внезапное движение нарушило кажущееся спокойствие келморийского лагеря. Солдаты начали один за другим ползком пробираться вперед. То были мародеры в огромных громоздких скафандрах — бойцы, тащившие с собой почерневшие и блестящие огнеметы «Погибель». Их некогда ровный строй сейчас был изломан, в руинах были и постройки, которые им поручили оборонять. Но они продержались. Они были еще живы. И для них это была победа.

Капитан Марий Блэквуд ничего этого не видел. По обе стороны от его мчащегося во весь опор осадного танка мелькал странный келморийский ландшафт. Вокруг простирались обширные равнины, покрытые красной пылью, но Марий сосредоточился исключительно на узкой полоске пейзажа впереди. Вместо пронзительных гудков в укреплении он слышал лишь успокаивающий гул двигателя, доносящийся снизу.

— Противник потерпел поражение, — раздался голос у него в наушниках. Фраза звучала искусственно, как и всегда, — это было компьютерное сообщение, отправленное центральным командованием. — Всем отрядам доложить командирам взводов. Главная цель «Альфа». Прорвать периметр в...

Марий отключил наушники, прервав электронную болтовню, от которой, как он уже знал заранее, все равно мало пользы. Он не глядя положил загрузившую руку на рычаг передач. «Радуга» на мгновение содрогнулась, с ревом перешла на следующую передачу и взметнула в воздух клубы алой пыли.

Но Марий не видел и этого. Он видел только колосса.

Колосс был невероятно огромен — жуткое чудовище, чей силуэт явственно вырисовывался на фоне мрачной выжженной земли. Марий смотрел, как колосс отступал на длинных ногах, похожих на паучьи, повернув странного вида голову назад, чтобы прикрыть отступление. Сейчас он был далеко за пределами досягаемости орудий. Марий знал, что колосс мог бы уходить от осадного танка все дальше и дальше, если бы не одна незначительная подробность.

Он хромал.

Сейчас одиноко шагающему роботу не хватало обычной скорости и проворства, которых у него было в избытке, когда боевые машины протоссов

впервые напали на базу. Приблизив изображение на экране прицеливания, Марий заметил, что нога колосса была сильно повреждена; колосс шагал вперед, подволакивая ее.

Марий запустил двигатель на полную мощность. Далеко впереди пустынная равнина переходила в темные зазубренные горы. Он должен был догнать колосса раньше, чем тот доберется до них. Марий навел на существо перекрестье прицела и неотрывно следил за дистанцией до цели, отобразившейся внизу. Он был уверен лишь в одном — что сумеет подобраться достаточно близко.

На панели перед ним часто замигал белый огонек. Марий изо всех сил старался не замечать огонек, и ему это почти удалось. Затем он вздохнул и ударил по огоньку кулаком. На треснувшем грязном экране появилась знакомая фигура.

— Блэквуд! — закричала подполковник. — Куда это вы направляетесь, черт возьми?

— Вперед, — невозмутимо ответил Марий. Он уже представлял, что за разговор его ждет.

— Вперед... тоже мне, разогнался, — недовольно ответила подполковник. Ее голубые глаза ярко блестели даже сквозь пыль и пятна на треснувшем экране. — Покатались и будет, капитан. Возвращайтесь сейчас же. Нужно...

Внезапно осадный танк встряхнуло от сильнейшего взрыва. Гидравлический привод ходовой части поглотил большую часть удара, но это не уберегло голову Мария от незапланированной встречи с панелью перед ним. Он изо всех сил старался не провалиться в беспамятство, машинально запустив пальцы в свои темные спутанные волосы. Затем посмотрел на них и увидел кровь.

— Я думал, враг разбит! — крикнул Марий в микрофон, лихорадочно оглядывая окрестности через смотровой проем. Он был опытным водителем и участвовал во множестве операций на этом танке, но еще не полностью доверял сенсорным экранам.

— Так и есть, — отрезала подполковник. — Но вы слишком оторвались. Вы догнали отстающих врагов, капитан. Вы сильно опередили...

Танк снова тряхнуло от удара — на этот раз его задело по касательной. Повернувшись, Марий стал рассматривать нового врага. Убегающий сталкер-одиночка расстреливал его, не прекращая при этом отступать. Ноги этого сталкера будто слились в одно сплошное пятно — так быстро он убегал.

«Его не должно тут быть», — с любопытством подумал Марий. Сталкер давно уже мог перенестись к своим товарищам-роботам. Возможно, он был поврежден. Впрочем, как бы там ни было, Марий не собирался проверять это на практике.

Он действовал; так всегда бывало, когда он управлял боевой машиной. За годы практики Марий научился чувствовать технику и управлять ей, словно собственным телом. Так что сейчас, когда он рванул руль влево, между его мыслью и действием не прошло и секунды.

Танк резко отреагировал на поворот руля. Яростно скользя, Марий ждал, пока сталкер не окажется в перекрестье его прицела, а потом со всей силы вжал в пол

педаль стабилизации. Танк с жутким ревом содрогнулся и сразу же вышел из заноса, продолжая лететь вперед на невероятной скорости.

«Надо воспользоваться этим импульсом, — раздался голос у него в голове. — Не получится — и тебе крышка».

Цион. Опять. Марий вздрогнул от боли, с силой сжав висок грязными пальцами — большим и указательным.

— Не сейчас, брат, — мягко сказал он. — Я немного занят.

Сталкер наклонил туловище вперед — вероятно, чтобы прикинуть, как лучше всего отступить. Затем он обернулся назад, и на него сразу же обрушились шестьдесят с лишним тонн стали. Враг быстро навел свои расщепители и сумел кое-как выстрелить, прежде чем Марий нажал спусковой крючок пушки с калибром 80 мм. Двойной взрыв пробил то, что оставалось от щита. Он разлетелся на куски лишь за долю секунды до того, как по сломанному каркасу врага проехал осадный танк.

Марий с удовольствием ощутил, как гнется металл под гусеницами его танка. Быстро взглянув на задний нацеленный дисплей, он увидел, как разлетаются во все стороны осколки боевого робота. По крайней мере, эти штуки умирали как полагается. Не то что зилоты, которые исчезали в какой-то жуткой вспышке, если их убить. Марий содрогнулся от одного лишь воспоминания. Это неизменно его пугало.

— Неплохо, — раздался искаженный помехами голос подполковника, в котором не было ни капли сарказма. — Ну все, капитан, хватит развлекаться. Разворачивайтесь *немедленно*.

Последнее слово она подчеркнула особо — и не зря. Марий уже развернул танк, и его орудия были снова наведены на колосса.

Он включил микрофон.

— Буду через минуту, — произнес Марий невинным тоном. Танк снова почти на полной скорости несся через красную равнину, вздымая в небеса пыль. Марий на какую-то секунду позволил себе расслабиться. Рев мотора действовал на него почти успокаивающе.

— Я приказываю вам немедленно вернуться! — продолжала подполковник. — Я знаю, что вы задумали, но эту штуку вы ни за что не догоните.

— К тому же, — добавила она после короткой паузы, — там все еще высокий уровень радиации.

Марий взглянул направо, где в розовом небе неподвижно висела темная и зловещая туча. Это было все, что осталось после взрыва, окончательно изменившего ход битвы в их пользу. Призрак выложился на полную. Возможно, даже слишком сильно — по связи нет-нет да говорили, что бедняга после такого наверняка склеил ласты.

Честно говоря, Марий не имел ни малейшего понятия, почему так вышло. Келморийское поселение, которое они должны были защищать, официально называлось Четвертая удаленная шахтерская станция. Очередная нора, каких полно на этой планете. Конкретно эта нора располагалась в центре обширной

пыльной равнины, и вокруг нее повсюду простиралось абсолютное ничто. Достаточно было сказать, что поверх слова «Четвертая» в названии поселения давно уже было написано «Забытая».

Впрочем, для шахтерской колонии у Забытой был слишком хороший гарнизон и укрепления, как будто там солдатам нужно было защищать что-то важное. Что-то, что протоссы очень хотели раздобыть, если судить по масштабу устроенного ими наступления.

Впрочем, Марию было все равно. Все эти подробности его совершенно не касались.

Он знал лишь, что битва с самого начала была яростной. Наземные силы протоссов начали вторжение, и их сразу же поддержали три огромных колосса. Марий никогда прежде не видел колоссов, и они почти сразу впечатлили его. Эти гиганты зловеще возвышались над всем, что было на поле боя, и разрывали все и вся в клочья своими обжигающими термальными лучами.

В конечном итоге два исполина были уничтожены. Для этого потребовалось целое крыло «Викингов», а пилотов погибло столько, что Марий даже не пытался их считать. А еще пришлось пожертвовать собой целому отряду «Голиафов». Операторы «Голиафов» умерли особенно скверной смертью; Марий до сих пор помнил крики агонии, когда машины бойцов плавилась прямо вокруг них.

И все равно он ничего не чувствовал.

Это было ужасно, невероятно ужасно, но Марий все равно не мог заставить себя сочувствовать им. Те люди не значили для него ничего — они все до единого были чужими. Они смеялись, играли, шутили обо всем подряд... и они были молоды. Черт возьми, как они были молоды... Они общались между собой так, будто приходились друг другу старыми друзьями, хоть это и не было правдой — что и раздражало Мария больше всего.

Куда бы он ни отправился, везде все было по-прежнему. На каком бы захолустном астероиде он ни оказывался, люди его сторонились. А некоторые со временем начинали и открыто опасаться. Все говорили, что он слишком рискует и мало заботится о безопасности других. На поле боя Марий был неудержим, бесстрашен и опасен. Один из командиров даже назвал его кровожадным. Тогда Марий был опасно близок к тому, чтобы врезаться тому как следует. Но чем больше он задумывался над этим определением, тем больше осознавал, как точно оно подходит ему.

Конечно, время от времени та или иная группа пыталась заручиться его дружбой. Ему предлагалось играть роль седого, закаленного в боях ветерана, передающего юным братьям по оружию свой опыт и отцовскую мудрость. Все это было до отвращения стереотипно. Каждый раз Марий давил такие попытки в зародыше.

В итоге молодые солдаты всегда пожимали плечами и отставали от него. Они сходились друг с другом, становились друзьями, братьями по оружию. Но они не были *его* друзьями. *Его* братьями.

А все потому, что все его братья были уже мертвы.

Штольцфус, Толлмен, Марсиньяк. Цион. Все они умерли. Сначала Марий винил в этом войну — протоссов и их смертоносное оружие, бесконечно огромный Рой зергов. Ненависть к врагам заняла в его сердце место друзей, заполнив пустоту, оставленную ими. Но потом Марий Блэквуд, как и многие ветераны, осознал, что его настоящий враг никогда не сходил с ним на поле битвы.

Настоящим врагом было время.

Время лишило его друзей. Оно стерло их из памяти, вычеркнуло их из сердец и умов всех, кто мог их помнить. Марий остался последним из пяти. А что будет, когда не станет и его?

Все станет так, словно их никогда и не было.

Мигающий красный огонек тревоги вернул его в настоящее. Марий с размаху нажал еще одну кнопку, давая системе знать, что он в курсе — двигатель работает почти на пределе. Мария это не беспокоило. Он водил свою машину и в более сложных ситуациях, разгоняя ее до самого предела, а иногда и сверх того. Он знал, на что способен его танк, лучше, чем инженеры, которые его спроектировали и собрали.

Теперь его цель была уже заметно ближе, чем раньше. Марий уже мог лучше разглядеть сломанную ногу гиганта. В воздухе висела пыль, по которой было видно, где именно волочили поврежденную конечность. Ветра на планете не было, так что след был длинный, отчетливый и вел прямо к исполинскому существу.

Но Марию не нужен был след. Ему нужна была лишь хорошая позиция для одного-единственного выстрела.

— Капитан! — донесся крик по связи. — В последний раз говорю — вернитесь!

Связь здесь работала уже с перебоями. Марий внезапно вспомнил, что усилители приема сровняли с землей еще в самом начале атаки. Еще несколько километров, и он будет полностью за пределами досягаемости базы. Одной проблемой меньше.

— Блэкву...

Марий внезапно решил поменять тактику.

— Вы же видели, что там было! — закричал он, перебив ее и изо всех сил стараясь придать голосу злость. — Сколько наших эта штуковина сожгла дотла? Вы хотите, чтобы я ее так просто отпустил?

Марий выступил на славу. Он почти почувствовал гордость за себя. Последовала долгая пауза, затем треск помех. Голос, который услышал Марий, был спокоен и лишен эмоций.

— Ладно, — безразличным тоном сказала подполковник. — Не мне же под трибунал идти.

— Это точно.

Вспышка на дисплее показала, что цель сменила направление. Колосс по какой-то причине теперь шел наискосок. Марий направил танк на перехват и, взглянув сквозь смотровой проем, сразу понял ход мыслей врага.

На востоке безукоризненно ровную иссохшую поверхность украшал холм и несколько скал. Они были достаточно невысоки, и колосс мог бы их перешагнуть, но достаточно круты, чтобы остановить осадный танк. Марий от души выругался и застучал по кнопкам на передней панели.

На дисплее появилось голографическое изображение с трехмерной картой окружающей местности. Марий приблизил скалы, покрутил изображение и рассмотрел его со всех сторон, ища способ преодолеть их. Через полминуты он нашел его. Немного южнее места, где колосс должен предположительно выйти к этим скалам, был каменистый склон, по которому танк мог въехать наверх. Уклон был крут — опасно крут, если говорить начистоту. Тем не менее, Марий был почти точно уверен, что сможет туда взобраться.

Прокладывая курс к склону, Марий вытер рукой пот, застилающий глаза. Внутри танка было невыносимо жарко — он уже давно полностью убрал из «Радуги» систему внутреннего охлаждения. Кондиционирование лишь забирало мощность у двигателя, а тяжелые компрессоры были для Мария лишним грузом.

Жару же он вполне мог вынести. Как ни странно, он даже научился наслаждаться ей. Каждая капля его пота была лишней толикой скорости. Комфорт, принесенный в жертву ради производительности... лишь одно из множества изменений, произошедших со старой «Радугой». Ухмыльнувшись про себя, он вспомнил тот день, когда отнял у механика плазменный резак и проделал в танке передний смотровой проем. Когда вышестоящие чины увидели отверстие, прорезанное Марием в броне из неостали толщиной в 15 сантиметров, им чуть не стало дурно. Но все ограничилось лишь грандиозной взбучкой — ветерану не впервой было выходить сухим из воды.

Сейчас Марий глядел в этот проем сквозь толстый прозрачный лист сталепластика, вставленный в проем много лет назад. Колосс приближался к холму и скалам. Даже будучи искалеченным, он отличался какой-то странной красотой. Гладкое угловатое тело с замысловатыми изгибами делало колосса больше похожим на произведение искусства, а не на смертоносную боевую машину, которой он вообще-то и был. Изнутри гиганта исходило голубоватое свечение.

«Ты так и будешь сидеть и на него пялиться или выстрелишь по нему уже?» — снова послышался голос Циона. Марий опустил голову и мрачно уставился на свои вымазанные грязью ботинки.

Он еще помнил, хоть и с трудом, то время, когда эти ботинки начищались до зеркального блеска — каждый день. Все они были тогда так трогательно молоды — зеленые юнцы, только что из академии. Полные сил, оптимизма, веры в справедливость. А уж как они рвались на войну!

В те дни для них не существовало преград. Не было ничего невозможного.

Их пятерка всегда была вместе, вместе они проходили и огонь, и воду. Медных труб тогда ждать не приходилось в принципе, но это их вполне устраивало. Они стали настоящими братьями — всегда присматривали друг за другом, помогали друг другу одолевать все невзгоды. Даже когда их взвод разделился, им удавалось не терять друг друга из виду. Они торжественно поклялись примерно раз в год встречаться в «Сарае», если подвернется возможность.

«Сарай» был самым низкопробным и паршивым из всех значных мест — всего лишь обветшалый бар, приткнувшийся на какой-то богом забытой планетарной станции рядом с Шайло. Но именно там они получили свое первое задание, и поэтому бар стал для них особенным. Со временем они даже полюбили его. А потом стали завсегдатаями.

«Сарай» был единственным, что хоть как-то радовало Мария. Все эти годы, полные войны и лишений, лишь этот бар оставался неизменной величиной в его непредсказуемой солдатской жизни. Местом, куда можно стремиться.

Но потом не стало даже этого. Все меньше и меньше друзей оставалось в живых. Первым выбыл из строя Штольцфус — они узнали, что он попал под пулю незадолго до своего тридцатого дня рождения. Принял не ту сторону в каком-то глупом восстании. Пожалуй, в этом не было ничего удивительного — парень отличался доверчивостью и добротой, но уж точно не умом.

Через несколько лет Марсиньяк пропал где-то неподалеку от Чара. А спустя два спокойных года не стало и Толлмена. Он сыграл в ящик всего через месяц после того, как присоединился к какой-то мутной банде наемников. Все подробности о его гибели они так никогда и не узнали, — какие-то темные дела, а потом крупная неудача, — но именно она подкосила их больше всего. Билли Толлмен всегда фонтанировал жизнелюбием. Он пил больше всех, побеждал в драках больше всех и спал с самыми красивыми женщинами. Он был их неформальным лидером. Если кто из них и был по-настоящему неудержим, так это он.

Остались только Марий и Цион. Долгое время они поддерживали свою традицию: встречались, вспоминали былое, даже поднимали тосты за павших товарищей. Где бы ни был Марий, чем бы он ни занимался, он никогда не откладывал посещение «Сарая».

А потом на встречу не явился и Цион.

Чтобы узнать, что с ним стало, пришлось немного постараться. Как выяснилось, Цион попал под обстрел со стороны своих. Какой-то оператор «Круцио» ошибся с прицеливанием, и отряду Циона устроили незапланированный душ из горячего вольфрама. От Циона не осталось даже трупа.

Вспомнив это, Марий плотно зажмурился. Его командиры никак не могли понять, почему один из лучших водителей постоянно отказывался поменять свою «Радугу» на более совершенный танк. Блэквуд отказался от перехода на другую модель, даже когда это стало обязательным, и стал мишенью почти каждой шутки в дивизии. Со временем молодые новобранцы начали видеть в нем человека-загадку. Он казался им упрямым, ностальгирующим пережитком прошлой эпохи, который отказывался идти в ногу со временем. Но Марий знал, что они были неправы. Каждый раз, вспоминая о Ционе, он укреплялся в уверенности: он никогда не залезет в люк «Круцио».

Пять лет назад, в этом же месяце, Марий последний раз побывал в «Сарае». Он заказал последнее пиво для друга, поставил бокал Циона на стойку перед его пустым сиденьем и осушил свой. А потом ушел. Вот и все. Былого не вернешь. Уже на выходе он обернулся в последний раз и посмотрел на пять потрепанных

сидений у барной стойки. Некогда на них сидело пятеро людей, полных жизни и веселья, а теперь остались лишь пустые холодные стулья. Марий как раз успел увидеть, как бармен выливал пиво Циона в стальную раковину. Последнее пиво, которое его друг уже никогда не выльет. Было — и нет его больше, как самого друга.

Как и всех их.

Танк дошел до заданной точки маршрута, и негромко прозвучал сигнал. Стиснув зубы, Марий начал подниматься по склону. Тот оказался гораздо круче, чем выглядел на дисплее, и куда менее ровным. Танк трясся изо всех сил, и Марий с трудом удерживался в кресле, не говоря уже о том, чтобы управлять машиной.

Ему уже случалось переворачивать свой танк — когда он только начал обучаться на водителя. Это был на редкость неприятный опыт, который ему ни за что не хотелось бы повторять. Тогда проблему удалось решить с помощью буксировочного троса и пары шуточек. Через пару минут позора танк снова был на ходу. Но остаться без помощи здесь и лежать, как черепаха на спине? Последствия будут плачевными. Колосс может пойти назад и обстрелять его лучами. Выбраться через люк не получится, и Марий окажется в ловушке. Он не сможет ни убраться подальше, ни защитить себя. Ветеран представил, на что будут похожи его последние мгновения: корпус танка содрогается под напором огненно-белых лучей, и без того нестерпимый жар становится еще хуже...

Марий глянул вниз, на бедро, где успокаивающе оттягивал кобуру С-7. Он совсем не случайно купил себе пистолет именно в тот день, когда перевернул танк.

Уклон становился круче. Перейдя отметку в 50 градусов, Марий переключил рычаг сразу на две передачи вперед и, плотно сжав зубы, тщательно проверил показания гироскопов. Он мог преодолеть уклон в 60 градусов максимум. *Может быть*, в 65. Чуть больше — и танк покатится назад, а сам он будет болтаться в нем, как шарик в автомате для пинбола.

Шум снаружи достиг оглушающей громкости. Гусеницы осадного танка отбрасывали назад куски камня и гравия. Они медленно, преодолевая сопротивление, двигали танк вперед и вверх, оглашая окрестности жутким скрежетом стали о камень. Марий чувствовал, как смещается центр гравитации. У него упало сердце. Ледяные щупальца страха почти охватили его, но тут на смену ужасу пришла эйфория абсолютного облегчения — впереди показалась вершина холма.

Индикатор крена показывал 63 градуса, и Марий переключился на последнюю передачу. Машина накренилась еще сильнее; двигатель работал на полную мощность, а орудия устремились к небу над вершиной холма. На мгновение Мария обуял страх: танк потерял опору и подался на полметра назад. Но секундой позже он с оглушительным грохотом ткнулся носом в плоскую вершину.

Рванув вперед из облаков пыли, Марий сразу обнаружил свою добычу. Пустив танк в обход, на склон, он немного оторвался от колосса, но это расстояние запросто можно было наверстать. Колосс продолжал волочить за собой ногу, словно исполинское раненое насекомое. Казалось, он смотрел на Мария.

Ты псих. Абсолютный псих.

Это мог быть голос Циона, но Марий не исключал и того, что сам заговорил с собой. Впрочем, это было неважно. Ему внезапно открылось все безумие его выходки. Но вместе с тем он понял, что ему, в общем-то, наплевать. Это осознание было не менее ясным.

Конечно, ему не всегда было на все плевать. Когда-то Марию было чем дорожить. Он мрачно посмотрел на пустующее место в углу большой стальной панели. Там виднелся потускневший прямоугольный контур, и он был настолько расплывчатым, что рассмотреть его было практически невозможно. Когда-то на этом месте была прикреплена фотография, но ее не было там уже столько времени, что складывалось впечатление, будто с тех пор прошла вечность.

Ханна.

Очередная его неудача в этой жизни.

От мысли, что когда-то была любовью всей его жизни, Марию стало смешно. Но в другое время и в другом месте она, разумеется, значила многое. Ханна была для него единственной неизведанной территорией, единственной его робкой попыткой завязать близкие отношения.

Они встретились в рыбацкой деревне, когда он служил на Шайло, а его жизнь иногда даже можно было назвать нормальной. Ханна и Марий были молоды, но она была ярче и умнее. Ее красота была ошеломляющей. Серые глаза с голубым отливом. Волосы цвета меда. Он влюбился не на шутку. И, к сожалению для Мария, сильнее, чем может позволить себе солдат, воюющий во всех девяти известных мирах. От долга службы не уйти.

Марий потер испачканным в масле пальцем место, где раньше была фотография. Он помнил ее так ярко, будто фото все еще было на месте: Ханна стоит у озера, широко улыбаясь, а в волосах у нее большой желтый цветок. В тот день она взяла его покататься на лодке — подумать только.

Теперь, вспоминая об этом, он мог лишь усмехаться. Девушка, фотография — как же все это было глупо...

Словно из ниоткуда возникла жгучая вспышка желтого света, заставив Мария инстинктивно заслонить глаза ладонью. Свет был столь ярким, что чуть не ослепил его даже сквозь закопченный смотровой проем.

Прямо по курсу был колосс, стрелявший в его танк. По обе стороны его вытянутой головы двигались в унисон две турели. Марий резко затормозил, прекрасно понимая, что его враг способен разнести танк на множество оплавленных кусочков. Но когда колосс выстрелил в очередной раз, Марий понял, что сейчас он вне досягаемости его орудий.

Снова и снова небо прорезали термальные лучи колосса. Они врезались в иссохшую поверхность планеты, оставляя там глубокие оплавленные трещины. Марий сразу же понял, что задумал враг.

Осадный танк содрогнулся, на полном ходу попав в первую раскаленную яму. Система стабилизации приняла удар на себя, облегчив нагрузку на раму «Радуги», но ландшафт был так изрыт рывками от выстрелов, что это не особо помогало.

Машину бросало из стороны в сторону, и Марий отчаянно пытался отвести ее подальше, где почва не была бы такой неровной.

Колосс продолжал стрелять. Марию все же удалось вывести танк за пределы опасной зоны. Он наблюдал за тем, как лучи прорезают свежие расселины в земле за исполином. Оставаясь вне зоны поражения, он терял время и уже не мог идти прямо на цель. Но даже при этом «Радуга» была все еще способна нагнать колосса. Это должно было занять несколько минут.

Внимание Мария привлекли два мигающих огонька, когда их желтое свечение сменилось белым. Это был сигнал, что кто-то приближался сзади. Он отъехал слишком далеко и находился за пределами досягаемости примитивной системы связи шахтерского поселения. Теперь с ним не смогут связаться, даже если захотят. И он с ними тоже.

Не это не волновало его.

Строго говоря, Мария уже довольно давно ничего не волновало. О каком-либо счастье говорить не приходилось. Максимум, что он мог чувствовать в последнее время — это состояние удовлетворенности, да и оно приходило к нему лишь в те минуты, когда он занимался солдатской службой. Марий умел делать это лучше всего. Он уже счет потерял случаям, когда специально упускал возможности для повышения, перевода, даже шанс уволиться со службы — и все для того, чтобы продолжать жить, как жил, заботясь лишь о том, с кем и где ему воевать в следующий раз. Сам того не осознавая, Марий стал жить исключительно ради того, чтобы находить упоение в бою.

И боев у него было много, очень много.

И много побед.

Он ухмыльнулся, с грохотом проносясь на танке по камням. Все они отмечали свои победы с самого начала карьеры, сообщая возродив старинную традицию. Первым начал Билли: он считал убитых врагов, вырезая соответствующие отметки на шлеме. Это было еще в те времена, когда все пятеро служили в пехоте. Затем подсчет перерос в дружеское соревнование, и с годами на счету каждого было уже огромное количество побед.

И сейчас борт его осадного танка был украшен множеством отметин. Марий вел счет зергам, протоссам, даже врагам-терранам, с которыми иногда его сводил случай. Он тщательно отмечал каждую победу, любовно вырезая лазером черту на неостальном покрытии своей гудящей и рычащей боевой машины.

Его победы были его трофеями. Его друзьями.

Только они у него и остались.

Танк вилял из стороны в сторону, несясь по пыльной равнине. Марий держался у самых границ взрыхленной лучами почвы. То ли виной тому была жуткая жара, то ли колосс, наконец, осознал бесполезность своих действий, но обстрел из лазеров прекратился. Колосс отвернулся от танка и продолжил ковылять вперед.

Марий вдавил газ до пола и с колотящимся сердцем устремился за жертвой. Он чувствовал необычный прилив сил и знал, что сейчас он как никогда близок к

тому, чтобы отправить этого проклятого гиганта к праотцам. Через каких-то пару минут колосс станет лишь очередной отметкой на борту его танка, и эта отметка будет особенной. За все те годы, что Марий провел в танке, он никогда еще не убивал колосса.

А он очень этого хотел.

Целясь в направлении врага, капитан выпустил короткую очередь. Снаряды немного не долетели до колосса — но в этом и заключался план Мариа. Ему нужно было привлечь его внимание. Он хотел, чтобы колосс снова открыл огонь, и тогда капитан смог бы понять, насколько близко можно подобраться для решающего выстрела.

Марий не питал иллюзий относительно ограничений по дальности. Термальные лучи разорвут его на части раньше, чем спаренная пушка с калибром 80 мм успеет поразить цель. Он с самого начала знал, что единственный его шанс уничтожить колосса — осадное орудие. Но и в отношении «Мьёльнира» Марий тоже не питал иллюзий. Потому что с ним он управлялся на славу.

Марий начал лихорадочно проделывать в уме вычисления, оценивая дальность и дистанцию. Понять его ход мыслей мог бы, вероятно, только опытный водитель танка. Колосс все еще не стрелял. Он шел и шел вперед, волоча за собой останки изуродованной ноги. Великан был бесстрашен и спокоен. Он двигался ровно с той же скоростью, что и в начале погони. Подобное отсутствие человеческих эмоций, как ни странно, добавляло ему индивидуальности. На таком расстоянии он выглядел откровенно зловеще.

Марий начал щелкать переключателями, отключая все предварительные системы защиты, чтобы перевести танк в осадный режим. Танк громыхал и неуклонно несся вперед, с каждой секундой все больше приближаясь к жертве.

Он ждал до самого последнего момента. До тех пор, пока колосс не обернулся. И тут Марий сделал свой ход.

Раздался жуткий скрежет металла о землю — Марий затормозил на полном ходу. «Радуга» проскользнула боком по твердой глине с полсотню метров, прежде чем остановиться. В воздух поднялось облако красной пыли. Но не успел танк остановиться, как Марий уже всюю нажимал на кнопки и дергал за рычаги, воспроизводя до боли знакомую последовательность действий.

Танк поднимался под ним, словно живой. Раздалось зловещее шипение гидравлических приводов — это опоры «Радуги» выдвинулись наружу, а затем вниз, с силой ударившись о засохшую и твердую глину. В течение нескольких секунд, показавшихся Марию вечностью, он мог только с трепетом наблюдать за тем, как завершают рабочий цикл механизмы разблокировки. Затем цвет сигнального огонька сменился с красного на зеленый, возвестив о завершении активации осадного режима.

Танк остановился, и колосс начал поспешно отступать. Марий уставился на экран наведения, где гигант уже оказался в перекрестье прицела. По обе стороны дисплея лились потоки информации, предлагая ему все виды траекторий и возможные поправки курса. Марий не обратил на них никакого внимания. Он

сжал рычаг управления орудием и на глаз целился в колосса, образ которого теперь словно въелся в его мозг.

Земля зашипела. Неподалеку от танка вспыхнуло желто-оранжевое пламя: колосс снова открыл огонь. Танк находился за пределами досягаемости орудий колосса, но до ноздрей Мария донесся странный запах горящего озона, а волосы на его руках встали дыбом. Обзор за пределами танка был абсолютно закрыт. На дисплее значок прицела вокруг колосса показывал, что тот скоро выйдет из зоны досягаемости «Мьельнира». Палец Мария завис над кнопкой, но капитан сохранял спокойствие. Марий оценивал ситуацию, как и всегда: на глаз, чутьем, инстинктивно.

Он выстрелил.

Осадное орудие «Радуги» оглушительно взревело. Марий сразу же отпустил пульт управления и наклонился вперед, уткнувшись носом в запачканный смотровой проем. Прошла одна секунда. Две...

Раздался мощный и зрелищный взрыв. Колосс сильно накренился набок — ему в корпус влетел раскаленный 120-мм снаряд. Гигант зашатался. Он почти было восстановил равновесие, но в результате все-таки упал. И как только колосс ударился о землю, произошел второй взрыв, и некогда красивый гигант разлетелся на тысячу горящих кусочков.

Марий глубоко и удовлетворенно вздохнул. Он тяжело откинулся на кресле, чувствуя дрожь во всем теле и упиваясь победой. Он жил ради этого момента. Всегда. Такие моменты — единственное, что радовало его в серой и трудной жизни.

Целую минуту он просто лежал, закрыв глаза и чувствуя, как адреналин переполняет его вспотевшее тело. Но затем его вывело из транса гудение сигнала неопознанной тревоги. Открыв глаза, Марий увидел, что на панели горит яркими огнями половина лампочек.

По дисплею проносились тонны новой информации, заставив его рывком сесть. Когда Марий взглянул в смотровой проем, кровь у него моментально застыла в жилах.

Сталкеры. Десятки сталкеров. Весь горизонт за взорванным колоссом был усеян наступающими войсками протоссов, и все они полным ходом шли к нему. Длинные тонкие ноги небольших протоссов вздымали облака пыли. Их возглавляли те, в ком Марий сразу же распознал опаснейших врагов. Это были бессмертные, их экзоскелеты ни с чем нельзя было спутать.

Еще до того, как Марий это осознал, его руки уже пришли в движение, выводя танк из осадного режима. Бессмертные устремились к нему по безупречно ровной земле. Судя по их скорости, у Мария было меньше минуты. Да что там, может, у него уже вообще нет времени.

Шли драгоценные секунды. Мучительно тянулось ожидание. Когда танк отказался сдвинуться с места, Марий понял — что-то не так. Откуда-то сзади донесся тревожный сигнал. На дисплее отображалась голографическая модель «Радуги», и опоры танка мигали красным цветом.

Они застряли.

«Я же говорил тебе — не теряй импульс», — раздался у него в голове смех Циона. Марий отчетливо представил себе, как улыбается друг. *«Староват ты уже для такого, брат».*

Отключив все остальное, Марий со всей силы вдавил пальцем кнопку разблокировки. Ничего не произошло. Зубья, удерживавшие танк на земле в осадном режиме, по-прежнему были воткнуты в глину. Марий снова нажал кнопку, чувствуя свою беспомощность, но на этот раз он почувствовал легкую дрожь. С третьей попытки опоры, наконец, освободились.

Танк поднялся. Гул гидравлических приводов, убиравших опоры в корпус «Радуги», звучал в ушах Мария, как сладкая музыка. Несколько сигнальных огоньков замигали зеленым светом, и гусеницы танка снова коснулись земли. Они уже вращались.

Марий развернулся и рванул по пыльной равнине, быстро переключая передачи. Каждый сантиметр дисплея, отображавшего заднюю часть танка, был теперь заполнен протоссами. Система наведения начала автоматически нацеливаться на них, и приближение каждого врага сопровождалось раздражающим писком. Марий отключил компьютер, одновременно включив микрофон.

— Говорит капитан Блэквуд, «Радуга-2717». Как слышно?

Марий включил наушники и выкрутил громкость рации на максимум, но услышал лишь помехи.

— Подполковник Максвелл, говорит Блэквуд. Я возвращаюсь. Вы меня вообще слышите?

Ничего. На дисплее он видел, как первый выстрел из расщепителя бессмертных попал в землю на приличном расстоянии от танка. Датчики приближения, однако, показывали куда менее оптимистичную картину: сталкеры вырвались вперед. Они теперь шли сразу за бессмертными и быстро сокращали разрыв. Слишком быстро.

— Гвен! — закричал Марий, изо всех сил стараясь разозлиться подполковника обращением по имени. — Тут вторая волна нападающих! Сталкеры, их тут туча. Бессмертные тоже. Может, еще кто. Подполковник! Кто-нибудь! Вы меня слышите? Перехожу на все аварийные часто...

Мария швырнуло вперед — танк наехал на глубокую трещину в глиняной поверхности, прощальный подарок от его драгоценного колосса. Он устоял вперед, изо всех сил стараясь объехать другие трещины.

Танк внезапно осветила еще одна вспышка, на этот раз перед ним. Сталкеры вышли на расстояние выстрела. Жить ему оставалось недолго.

«Значит, все», — подумал Марий. Вот как он закончит свои дни. Колосс останется его последней победой, а потом его, как ту последнюю выпивку, сольют в дыру забвения. Так логично, что даже весело.

На топографическом дисплее появился край скалы. Она был еще слишком далеко. На какую-то секунду Марий даже задумался о том, чтобы покончить с

собой, слетев с обрыва, чтобы под гусеницами танка оказался только дурацкий воздух. Мысль показалась ему забавной. Но нет, это не в его стиле. Марий развернется и даст бой. Даже на пределе возможностей двигателя он еще может нанести немалый урон. Марий был уверен, что успеет забрать с собой на тот свет одного или двух протоссов.

И тут прямо перед ним в небе засиял свет. Сначала он светил тускло, но становился все ярче и отчетливее, быстро приближаясь к нему. Это луч прожектора. Прожектора с десантного корабля!

Сердце чуть не выпрыгнуло у Мария из груди. Он надавил на педаль газа так сильно, что даже испугался — не сломать бы. Но танк уже шел на полной скорости. Ему оставалось лишь смотреть, как проносится мимо земля.

Пилот G-226 плавно поравнялся с ним, опустив двигатели вниз во время спуска. Марий приближался к носовой части корабля, а выстрелы сталкеров разрывали все вокруг. Он видел, как начала опускаться передняя рампа корабля, чтобы принять его у края скалистого обрыва.

Взрыв справа и сзади от «Радуги» отбросил танк в сторону. Марий моментально отреагировал, выравнивая направление движения. Он перестарался, на миг сорвавшись в опасный занос, но потом вернулся на прежний курс.

«Нет!» — пронеслась у него в голове яростная мысль. Не сейчас. Он так близко! Хотел Марий того или нет, но надежда управляла его действиями, не давая ему умереть. После всего, через что ему пришлось пройти, черта с два он так просто сдастся.

Корабль приближался к земле, и все вокруг заволокло пылью. Марий услышал громкий стук и начал сбавлять газ. Ошибиться сейчас было нельзя. Если его занесет, он может врезаться в борт G-226, и тогда корабль вместе с танком рухнет вниз, превратившись в искореженные куски металла.

Эвакуационный корабль опустился полностью, и приводы прогнулись под его весом. Марий замедлял скорость, сбавляя газ. Стиснув зубы, он направил нос танка на рампу, прямо в загрузочный отсек G-226. Затем Марий изо всех сил дал по тормозам и включил магнитные блокираторы на гусеницах резко остановившейся машины. А потом его желудок упал куда-то вниз — это пилот резко рванул корабль вверх, в причудливое розовое небо.

Снаружи доносились стрельба расщепителей — с десятков или больше сталкеров пытались разорвать корабль на части. Звуки быстро отдалялись и затихали, пока, наконец, не исчезли совсем. Улетев со скал, корабль почти мгновенно оторвался от противников. Все было кончено.

Марий встал и открыл люк. В танк хлынул прохладный свежий воздух. Марий жадно вдохнул — никогда еще он не чувствовал столь яркого вкуса победы. Ветеран вылез из «Радуги» и улегся сверху танка. Корпус танка был теплым, а прохладный воздух приятно охлаждал пропитанное потом тело.

Наслаждаясь покоем под яркими лучами света в грузовом отсеке корабля, Марий прикрыл усталые глаза. Но тишина не продлилась и минуты.

— Капитан Блэквуд, сэр, — прогрехотал голос откуда-то сверху. — Очень рад вас видеть на своем корабле!

Это был пилот. Марий соскользнул с танка; его ноги подогнулись, коснувшись рифленого пола отсека. Он размял их, отчаянно морщась. Оба колена отчаянно запротестовали.

— Расслабьтесь и отдыхайте, капитан, — продолжал пилот. — Отсюда до базы в небе все чисто. Я вас мигом доставлю, так что покурите пока.

Марий рассеянно залез в карман жилета и достал оттуда помятую сигару. Он начал ходить вокруг танка, оценивая ущерб.

— Скажите подполковнику, что я ее при встрече поцелую! — прокричал Марий в пустоту грузового отсека. Голос отдавался от стальных стен гулким эхом. — Трибунал или нет, неважно!

Он был уверен, что пилот его не слышит, но это его не беспокоило. Марий похлопал по карманам в поисках зажигалки, но ничего не нашел. Он все равно засунул в рот сигару и начал ее пожевывать.

Проходя мимо задней части танка, он остановился. Большая часть брони там была сорвана. Осталось лишь несколько маленьких кусков, искореженных и опаленных огнем сталкеров. Внешние края до сих пор тлели, местами раскалившись добела.

Марий осторожно наклонился вперед и прикурил сигару от раскаленного металла.

Зайдя на другую сторону, он с облегчением вздохнул. Отметки побед остались нетронутыми. Марий провел по ним рукой, чувствуя, как глубоко они вырезаны на неостальной пластине. Он погладил пустое место в конце долгой череды отметок.

Там будет колосс. Наконец-то.

Раздался ужасный грохот. Корабль сильно накренился, и Марий упал на четвереньки. Боль снова пронзила колени. Он попытался встать, хватаясь за гусеницы танка.

Затем последовал второй взрыв — такой громкий, что чуть не оглушил его. Корабль яростно затрясся, завилял и резко устремился носом вниз. Мария, словно куклу, швырнуло через весь грузочный отсек.

Мелькнула сине-белая вспышка, потом полыхнуло жаром. Марий слышал свист выходящего из корабля воздуха и пытался удержаться хоть за что-нибудь. Это ему не удалось.

Мгновение спустя все внутри корабля взорвалось, раздался ужасный скрежет разрываемой стали. Пол ушел у Мария из-под ног, и под ним осталось лишь невыносимо розовое небо. Он падал, крутился, расставлял руки и ноги, тщетно пытаясь обрести равновесие, но потом покорился неизбежному. Последнее, что он видел, был громадный силуэт его танка, кувыркающийся где-то внизу...

Падая, Марий абсолютно не испытывал страха.

Он чувствовал облегчение. Мир. Свободу.

Он ухмыльнулся.

Облака пыли кружились под садящимся «Фениксом».

С шипением открылся защитный купол кабины. Оттуда вылез пилот-протосс и стал спускаться к обломкам корабля терранов, тлеющим в спертom воздухе. Сбоку лежала глубоко воткнувшаяся в глинистую почву башня осадного танка. Ее изогнутые стволы вызывающе глядели в небо.

Пилот нагнулся и достал из пылающих обломков кусок раскаленной добела неостали. Он различил на нем грубые отметки, означающие предыдущие победы этого человека. Протосс склонил голову, отдавая должное чужой славе. Этот жест уничтожал все разовые и языковые различия — протосс понимал воина.

Нет, даже не воина. Брата.

Вернувшись к своему кораблю, пилот, держа в руке искореженный кусок металла, нацарапал на фюзеляже очередной символ рядом с остальными.

Затем, выбросив свой трофей на потрескавшуюся красную землю, он устремился в небо.